РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883.

D. 594.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ. БИБЛІОТЕКА

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИГИ.

14-ое Декабря 1825-го года, этотъ ужасный день, ознаменовавшій восшествіе на престолъ Государя Николая I, этотъ день, навсегда упрочившій молодому Царю славу мужественнаго, энергичнаго, стойкаго дѣятеля, какимъ онъ и былъ въ продолженіе всей своей жизни, этотъ день вѣчно памятный Россіи и всему дворянству Русскому гибелью лучшаго цвѣта образованнаго юношества, этотъ день, за который болѣе четверти вѣка томились въ агоніи ссылки лучшія, благороднѣйшія личности молодежи, увлеченной несбыточными утопіями,— 14-ое Декабря застало меня еще ребенкомъ.

Мы жили тогда въ Москвѣ, и матушка съ нами проводила всѣ дни въ домѣ матери своей, моей бабушки, Екатерины Александровны Бибиковой *). Не смотря на свой семилѣтній возрастъ, я не могла не замѣтить всеобщей въ домѣ тревоги и страха. Огромныя залы и гостиныя стояли пустыя: никого не принимали, кромѣ самыхъ близкихъ родственниковъ. Бабушка, всегда важно и неподвижно сидѣвшая въ своемъ креслѣ, теперь, нечесанная, въ ночной кофтѣ, съ накинутымъ наскоро большимъ платкомъ и даже безъ онаго, тревожно ходила по комнатамъ. Съ лица матушки не сходило выраженіе заботы и страха, а она всегда такъ хорошо умѣла владѣть собой! Чтожъ это значило? Любимый всѣми нами дядя Илья Гавриловичъ Бибиковъ, пріѣхавшій еще осенью изъ Петербурга въ отпускъ къ матери, безъ эполетъ и жилета, въ растегнутомъ мундирѣ (чего прежде у бабушки не допускалось) сидѣлъ съ бабушкой и матерью моей (его старшей сестрой и лучшимъ другомъ), въ большомъ кабинетѣ, у стола, на которомъ лежали приносимые ежедневно какіе-то листы, которые они съ какимъ-

*) Урожденной Чебышовой. П. Б.

то страхомъ читали весь день, перечитывали и вмѣстѣ шептались. Насъ, дѣтей, высылали въ залы, чтобъ мы не мѣшали; но и это обстоятельство—изгнаніе изъ комнаты матерью, которая всегда любила держать меня при себѣ—меня смущало и заставляло задумываться о важности веденныхъ въ кабинетѣ переговоровъ. Да и весь домъ какъ-то затихъ въ мертвомъ молчаніи. Гувернантки перешептывались и усмиряли наши дѣтскія слишкомъ шумныя игры. Люди ходили на цыпочкахъ, молча, съ блѣдными лицами. Важная Аксинья Яковлевна, старая бабушкина горничная и наперсница, растерянно покачивала головой въ бѣломъ высокомъ тюлевомъ чепцѣ, сжимала губы, а вѣчный чулокъ ея лежалъ у нея на колѣняхъ: безостановочно-движущіяся до того спицы теперь будто замерли въ неподвижныхъ рукахъ.

Въ то время я, конечно, все это видѣла, впечатлѣніе это врѣзалось въ моей памяти; но я не могла себѣ дать отчета въ томъ что́ видѣла: матушка и всѣ старшіе молчали. Уже взрослая, я стала матери напоминать объ этомъ времени, и тогда она открыла мнѣ всю правду.

Дядя Илья Гавриловичъ *), тогда адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, умный, благородный и энергичный, былъ другомъ всѣхъ лучшихъ своихъ сверстниковъ. Онъ зналъ объ ихъ намѣреніяхъ, но не зналъ именно, когда готовилось вспыхнуть задуманное дѣло. Дядя поѣхалъ въ отпускъ къ матери и занемогъ въ Москвѣ, въ ея домѣ. Тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ; по почтѣ опасно было переписываться. Между тѣмъ такъ называемые декабристы спѣшили воспользоваться случаемъ междуцарствія, когда колебался царскій вѣнецъ между Константиномъ и Николаемъ.

Какъ громомъ былъ пораженъ дядя Илья, а съ нимъ и вся Москва при извѣстіи о событіи 14-го Декабря. Листы, лежавшіе на столѣ у бабушки, были списки всѣхъ замѣшанныхъ и арестованныхъ по этому несчастному дѣлу. Въ нихъ-то родные искали имени дяди. Ежеминутно ожидали—вотъ, вотъ нагрянетъ полиція и арестуетъ его. Но онъ спасся какимъ-то чудомъ, если назвать чудомъ благородную твердость друзей его: никто его не выдалъ ни словомъ, ни даже неосторожнымъ намёкомъ.

Въ послѣдствіи князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ, нашъ другъ и родственникъ, разсказывалъ мнѣ, что когда великій князь Михаилъ Павловичъ, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, дѣлалъ смотръ осужденнымъ на ссылку въ Сибирь, то, при видѣ девятнадцатилѣтняго

*) И. Г. Бибиковъ, генералъ отъ артиллеріи, въ послѣдствіи Виленскій генералъ-губернаторъ, скончался въ 60-хъ годахъ.

красавца-друга Валерьяна въ острожномъ платьѣ, у дяди Ильи навернулись слезы на глазахъ, и онъ, не смотря на присутствіе начальства, подалъ ему свой шелковый фуляръ.

«Этотъ фуляръ», говорилъ Валерьянъ, «я храню какъ святыню».

Дядя Илья употребилъ все свое вліяніе на любившаго его великаго князя и ходатайствовалъ за друзей; но что могъ онъ сдѣлать? Тогда царило вообщее ожесточеніе противъ этихъ заблуждавшихся молодыхъ людей. Многіе изъ нихъ были намъ родственниками, многіе, въ послѣдствіи—друзьями. А именно: Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ, кн. Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ, кн. Евгеній Петровичъ Оболенскій, кн. Волконскій, женатый на М. Н. Раевской, дочери знаменитаго героя 12-го года, Николая Николаевича Раевскаго, дяди моего мужа. Она и сестра ея Екатерина Николаевна, вышедшая замужъ за Михаила Ѳедоровича Орлова, жили, послѣ смерти отца своего, въ Петербургѣ, въ домѣ моего свекра Артемія Ивановича Раевскаго.

Не могу не прибавить, что удивляюсь, какимъ чудомъ спасся отъ ссылки Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ. Все же онъ пострадалъ болѣе дяди, потому что оставался всю жизнь въ какой-то опалѣ, отдаленъ былъ отъ дѣлъ и службы, гдѣ его свѣтлый умъ, блестящія способности и высокое образованіе могли бы доставить ему одно изъ высшихъ положеній въ государствѣ.

Мнѣ давала одна близкая родственница князей Шаховскихъ дневникъ, писанный, конечно по французски, княжной Елисаветой Михайловной Шаховской въ 1818-мъ году. Этотъ дневникъ, къ сожалѣнію, затерялся. Въ немъ говорилось о многихъ личностяхъ, въ послѣдствіи участвовавшихъ въ событіи 14-го Декабря, особенно объ Александрѣ Муравьевѣ, женившемся въ послѣдствіи на княжнѣ Варварѣ Михайловнѣ Шаховской, а послѣ ея кончины, на родной сестрѣ ея, княжнѣ Маріѣ Михайловнѣ Шаховской, сопутствовавшей сестрѣ и зятю въ Сибирь, гдѣ А. Муравьевъ сначала жилъ въ ссылкѣ, а позднѣе поступилъ на службу. Тамъ скончалась его первая жена Варвара Михайловна, тамъ же онъ женился на Маріѣ Михайловнѣ. Я лично была знакома съ почтенными княжнами Шаховскими и со вдовой А. Муравьева, Маріей Михайловной. Болѣе свѣтлыхъ личностей во всѣхъ отношеніяхъ трудно было сыскать. До глубокой старости онѣ сохранили ясный умъ, безконечную доброту и образованную любознательность. Марія Михайловна Муравьева на семидесятомъ году обучилась въ совершенствѣ Англійскому языку и ознакомилась со всей Англійской литературой въ подлинникахъ.

Къ сожалѣнію, я мало помню изъ прочитаннаго въ дневникѣ старшей изъ княженъ Шаховскихъ, Елисаветы Михайловны. Писанъ онъ былъ чистымъ Французскимъ языкомъ. Тамъ часто говорилось о прогулкахъ на Прѣсненскихъ прудахъ *), про одно изъ тамошнихъ деревьевъ, прозванное Patrie (родина); о томъ, какъ А. Н. Муравьевъ обхватывалъ желѣзные обручи этого дерева и пробовалъ разорвать эти оковы. Были восторженные отзывы про М. Ѳ. Орлова и пр.

Со многими изъ декабристовъ я познакомилась уже по возвращеніи ихъ изъ ссылки. Лучшимъ другомъ моего мужа и насъ всѣхъ былъ князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ. Онъ былъ второй сынъ княгини Натальи Ивановны Голицыной, рожденной Толстой, двоюродной сестры моей матери **). Княгиня Наталья Ивановна была, въ своемъ родѣ, замѣчательная женщина по уму, самостоятельному характеру и оригинальному обращенію въ обществѣ.

Князь Валерьянъ Голицынъ попалъ въ заговоръ девятнадцати лѣтъ; хотя онъ былъ уменъ и энергиченъ, но врядъ ли по молодости своей былъ онъ посвященъ во всѣ тайны общества. Его арестовали немедленно, и онъ провелъ семь мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости. Вотъ что онъ разсказывалъ.

«Мой день былъ раздѣленъ на двѣ равныя половины. До полу-«дня я лежалъ въ постели. Съ полудня до полуночи я *ходилъ* безоста-«новочно по своей крошечной тюрьмѣ и курилъ. Ни книгъ, ни бумаги, «ни чернилъ, ни перьевъ, ни карандашей мнѣ не давали. Табакъ да-«вали; картузъ табаку лежалъ у меня на столѣ у окна, и когда онъ «былъ *запечатанный*, то отъ сырости тюрьмы всегда лопалась бумага. «Въ полночь я ложился и до полудня слѣдующаго дня уже не вста-«валъ съ постели. Что я передумалъ во время ежедневнаго двѣнадца-«ти-часоваго хожденія взадъ и впередъ по пространству въ нѣсколько «шаговъ, разсказать невозможно»!

Изъ крѣпости князь Голицынъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія, отправленъ въ Сибирь на поселеніе, гдѣ пробылъ, если не ошибаюсь, десять лѣтъ. Ежегодно посылала мать къ нему въ Сибирь довѣрен-

---

*) На Прѣсненскихъ прудахъ росла, кажется, липа, которой считалось, по преданію, нѣсколько сотъ лѣтъ. Чтобъ сохранить ее, стволъ ея окованъ былъ желѣзными толстыми обручами, которые вросли въ дерево такъ, что съ годами наплывъ дерева, вмѣстѣ съ корою, во многихъ мѣстахъ ихъ совершенно скрылъ. Я въ дѣтствѣ видала это замѣчательное дерево, которое въ послѣдствіи вѣроятно срубили, потому что я его искала, и не нашла болѣе.

**) Мать княгини Н. И Голицыной была сестра моего дѣда Гавріила Ильича Бибикова; у нея было двое дѣтей—Н. И. Голицына и сынъ—Александръ Ивановичъ графъ Остерманъ-Толстой.

наго своего управляющаго Лозова *) съ деньгами, книгами и разной провизіей.

Каждую недѣлю, въ означенный день, мать писала Валерьяну письма. Когда же его перевели, по милостивому разрѣшенію, рядовымъ на Кавказъ, гдѣ онъ прослужилъ восемь лѣтъ, мать его каждый годъ ѣздила въ Пятигорскъ, или въ Астрахань, чтобъ провести съ нимъ нѣсколько недѣль.

Валерьянъ Голицынъ съ благодарностью вспоминалъ о Кавказскихъ своихъ начальникахъ, особенно о гуманномъ обращеніи генерала Николая Николаевича Раевскаго, сына героя 12-го года, также Николая Николаевича. Раевскій съ нимъ обращался подружески, приглашалъ всегда за просто у него обѣдать и проводить вечера, избавлялъ его отъ карауловъ и фронтовой службы.

В. Голицынъ былъ въ Пятигорскѣ во время несчастной дуэли между Лермонтовымъ и Н. С. Мортыновымъ. Онъ зналъ въ подробности всѣ причины этой грустной драмы, лишившей Россію лучшей красы ея литературы. Эти причины слишкомъ интимны и переданы мнѣ не для того, чтобъ быть обнародованными; поэтому считаю долгомъ о нихъ умолчать. Пусть память поэта останется незапятнанною.

Когда кн. Наталья Ивановна ѣзжала къ сыну въ Пятигорскъ, она брала съ собой двадцатилѣтнюю двоюродную племянницу, княжну Дарью Андреевну Ухтомскую, которую воспитывала у себя какъ родную дочь и даже гораздо болѣе любила родной своей дочери, графини Е. М. Салтыковой. Валерьянъ и многіе изъ его товарищей влюбились въ молодую княжну, въ томъ числѣ и Бестужевъ-Марлинскій, который

---

*) Лозовъ былъ замѣчательно умный человѣкъ и разсказывалъ много интереснаго о своемъ ежегодномъ путешествіи, особенно о нравахъ *тогдашнихъ* коренныхъ Сибиряковъ. „Разъ, говорилъ онъ, ѣду съ ямщикомъ и вижу на дорогѣ лежитъ большой узелъ. До кормёжки было еще далеко, нѣсколько верстъ. Ямщикъ продолжаетъ погонять лошадей. „Стой! кричу ему, „Развѣ не видишь, на дорогѣ узелъ лежитъ?“

— „Вижу. Ну чтожъ?“—Почему же ты его не подымешь?—„Да развѣ онъ мой? Кто потерялъ, тотъ и возьметъ“.

„Я очень удивился, ничего не сказалъ, но, пріѣхавъ въ деревню, гдѣ долженъ былъ кормить лошадей, сталъ съ крестьяниномъ-хозяиномъ говорить о видѣнномъ мною узлѣ и о странномъ поведеніи ямщика.

— „Чтожъ тутъ страннаго?“ сказалъ хозяинъ. „Кто потерялъ узелъ, вѣроятно его хватится, вернется и найдетъ его тамъ, гдѣ потерялъ“.

— Ну, а если кто другой найдетъ узелъ и *украдетъ* его?

— „Тсс“! сказалъ хозяинъ, кивая на ту сторону, гдѣ сидѣли его дѣти. „Тсс! не говорите *такъ при дѣтяхъ. Они у насъ даже этого слова не знаютъ!*“ Многое съ того времени измѣнилось въ Сибири, многое, съ тѣхъ поръ какъ ее насильственно населили подонками нашего Европейскаго разврата.

въ послѣдствіи искалъ смерти въ бою: онъ не могъ пережить холодности любимой имъ женщины. Княжна Dolly (какъ звала ее тётка) полюбила троюроднаго брата своего Валерьяна; но княгиня Наталья Ивановна ни подъ какимъ видомъ не хотѣла дать своего согласія на этотъ бракъ. Матушка моя, по праву родства, часто ее уговаривала не препятствовать союзу двухъ молодыхъ людей.

«Тебѣ они *равно* дóроги, говаривала матушка: почему же не хо-«чешь ты ихъ счастія? Ты племянницѣ отдаешь *свое* богатое имѣнье, «Валерьянъ получитъ свою часть отцовскаго: бракъ вполнѣ прилич-«ный во всѣхъ отношеніяхъ».

Но старая княгиня была неумолима. Разъ матушка такъ къ ней пристала своимъ уговариваніемъ, что кн. Наталья Ивановна вся покраснѣла отъ гнѣва и, въ порывѣ его, высказалась:

«Je ne veux pas de cette race de Galitzine, qui ne *seront pas* «*princes*» *).

Валерьянъ былъ лишенъ судомъ своего титула!

Послѣ этого объясненія, матушка уже болѣе не настаивала, зная упрямую и неукротимую гордость своей родственницы.

Между тѣмъ княжна Д. А. У., вѣрная своей любви къ ссыльному, отказывала всѣмъ женихамъ, а, по словамъ ея сестры, у нея ихъ было четырнадцать изъ среды лучшаго общества. Помню, какъ въ концѣ 30-хъ годовъ, она, будучи все еще дѣвушкой, съ особеннымъ чувствомъ пѣвала романсъ, бывшій тогда въ модѣ:

„Jeune fille aux yeux noirs, tu règnes sur mon âme!
„Tiens, voilà des croix d'or, des anneaux, des colliers!“
Des chevaliers ainsi m'ont exprimé leur flamme,
Et moi j'ai refusé l'offre des chevaliers.
A son tour un *proscrit* m'a parlé de tendresse,
Et j'ai dit au proscrit: „Moi, je suivrai tes pas!“

Только годъ спустя послѣ смерти матери, въ 1843-мъ году, Валерьянъ Голицынъ женился на давно любимой имъ дѣвушкѣ: ему было тридцать семь лѣтъ, ей около тридцати. Тотчасъ послѣ свадьбы поселились они въ нашемъ уѣздѣ, Тульской губерніи, въ селѣ Архангельскомъ, въ пятнадцати верстахъ отъ насъ. Валерьяну былъ запрещенъ въѣздъ въ столицы: онъ жилъ и зиму, и лѣто въ деревнѣ. Мужъ мой ненавидѣлъ городскую жизнь: дѣти наши были еще маленькія, особеннаго ученія имъ еще не требовалось, мы могли безпрепятственно слѣдовать своему вкусу и наслаждаться спокойной и свободной деревен-

*) Не хочу потомства Голицыныхъ не-князей.

ской жизнью. Тѣсная дружба не замедлила соединить наше и Валерьяново семейства.

Валерьянъ Голицынъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ. Лице его было смуглое, носъ орлиный, волоса черные какъ смоль; бороду брилъ, усы носилъ немного подстриженными. Большіе его черные глаза (какъ тогда говорили «Бибиковскіе») глядѣли прямо и строго, но любовь его къ семьѣ смягчала иногда до нѣжности эту обычную строгость. Въ молодости онъ вѣроятно былъ очень хорошъ собой. Вообще онъ поразительно походилъ на роднаго дядю своего графа Александра Ивановича Остермана-Толстаго *).

В. Голицынъ, какъ и всѣ вернувшіеся изъ Сибири декабристы, отличался высокой нравственностью и искреннимъ благочестіемъ. Онъ постился всѣ посты, выстроилъ въ селѣ Архангельскомъ, имѣніи жены, большой каменный храмъ, посѣщалъ всѣ церковныя службы. Характера онъ былъ прямаго, правдиваго, высказывалъ свое мнѣніе безъ утайки. На его дружбу можно было положиться. Онъ жилъ въ деревнѣ открыто; получалъ всѣ возможныя Русскія и иностранныя періодическія изданія и книги; библіотека у него была богатая, обильная всякими, особенно богословскими сочиненіями. Къ нему часто собирались люди его уважавшіе и знавшіе ему цѣну.

Въ 40-хъ годахъ князь Владимиръ Александровичъ Черкаскій (его имя принадлежитъ исторіи), мужъ мой и Александръ Владимировичъ Новосильцовъ, возмущенные безобразіемъ крѣпостнаго права, написали проектъ освобожденія крестьянъ. Этотъ проектъ обсуждался и писался большею частью въ домѣ Валерьяна Голицына, гдѣ они проспоривали и писали на пролетъ цѣлыя ночи. Голицынъ, какъ не получившій еще полнаго помилованія, не имѣлъ права подписаться подъ проектомъ, но обсуждался онъ при немъ и при его содѣйствіи **).

Писать проекты освобожденія крестьянъ въ 40-хъ годахъ *не* запрещалось правительствомъ; были даже отъ него назначены дни, когда въ нашемъ губернскомъ городѣ, Тулѣ, собирались князь В. А. Чер-

---

*) Графъ А. И. Остерманъ-Толстой, герой Кульмской битвы, гдѣ ядро оторвало ему лѣвую руку. Я въ дѣтствѣ видала его уже старикомъ, у моихъ родныхъ; увидавъ Валерьяна, я была поражена его сходствомъ съ дядей. Разница между ними была только та, что графъ Остерманъ былъ гораздо выше ростомъ и стройнѣе своего племянника. Матушка мнѣ говаривала, что двоюродный ея братъ Остерманъ былъ однимъ изъ красивѣйшихъ людей своего времени.

**) Покойный мужъ мой, съ молодыхъ лѣтъ сгоравшій страстнымъ желаніемъ законно-упроченнаго освобожденія крестьянъ, спросилъ у Валерьяна, былъ ли въ конституціи Кюхельбекера пунктъ, относящійся къ прекращенію крѣпостнаго права?—Тотъ отчалъ, что *таковаго пункта не было.*

каскій, мужъ мой, А. В. Новосильцовъ и другіе, для обсужденія ихъ проекта. Эти съѣзды открывались въ присутствіи начальника губерніи. Наконецъ, проектъ былъ оконченъ и подписанъ. Онъ хранится у меня въ подлинникѣ. Но желанію нашихъ друзей не суждено было такъ скоро осуществиться. Время еще не пришло. Государь Николай Павловичъ не принялъ поданнаго ему проекта.

По восшествіи на престолъ Александра II, милостивый манифестъ возвратилъ изъ ссылки всѣхъ декабристовъ, оставшихся въ живыхъ. Валерьяну Голицыну былъ возвращенъ княжескій титулъ и дозволено жить въ столицахъ, чѣмъ онъ поспѣшилъ воспользоваться. У него была тогда двѣнадцатилѣтняя дочь, Леонилла, и одиннадцатилѣтній сынъ, Мстиславъ.

По кончинѣ роднаго дяди графа А. И. Остермана, князю В. М. Голицыну перешелъ по завѣщанію покойника титулъ графа, и огромное его наслѣдство, въ томъ числѣ и маіоратъ канцлера графа Остермана. Но—съ этимъ наслѣдствомъ рушилось то счастье, которымъ наслаждался Валерьянъ.....

Князь Валерьянъ Голицынъ былъ разумный хозяинъ, велъ дѣла свои аккуратно, жилъ по средствамъ, даже на сбереженія свои прикупалъ земли въ сосѣдствѣ. Послѣ гр. Остермана наслѣдовалъ онъ до 70,000 десятинъ земли въ разныхъ губерніяхъ; но вездѣ царилъ страшный безпорядокъ, дѣла были запутаны. При такомъ громадномъ имѣніи, тяготившіе на немъ долги, конечно, были сравнительно ничтожны и могли бы со временемъ легко уплатиться.

Бездѣтный гр. Александръ Ивановичъ жилъ постоянно за границей, а имѣнія свои оставлялъ на волю Божью, или скорѣй на волю управлявшихъ ими. Валерьянъ, при своемъ строгомъ характерѣ, при своей аккуратности во всемъ, не могъ вынести этого безпорядка, этой распущенности. Онъ, со всей энергіей своего характера, сталъ все разбирать, все распутывать и—не вынесъ непосильнаго труда!

Я увидала опять Валерьяна нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полученія имъ этого наслѣдства.... Онъ похудѣлъ, постарѣлъ, казался утомленнымъ, озабоченнымъ. Куда дѣвались его радушіе, его веселость, его увлекательная бесѣда? Онъ былъ угрюмъ, сравнительно молчаливъ и говорилъ только о непріятностяхъ по поводу дѣлъ наслѣдства. Наконецъ онъ предпринялъ путешествіе по разнымъ доставшимся ему имѣніямъ и гдѣ-то, въ Новогородской или Псковской губерніи, въ какой-то деревушкѣ, среди болотъ, съ нимъ сдѣлался припадокъ холеры. Онъ, хорошій семьянинъ, обожаемый женой и дѣтьми, всегда, бывало, окруженный любящими друзьями, скончался гдѣ-то въ

глуши, одинъ, безо всякой медицинской помощи, въ присутствіи одного наемнаго слуги!

Его кончина была не только большимъ несчастіемъ для семьи его, но и большимъ горемъ для насъ всѣхъ, его любившихъ и высоко цѣнившихъ его благородную душу.

Въ числѣ ссыльныхъ, вернувшихся въ 1857-мъ году, были князь Волконскій, женатый на М. Н. Раевской, Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ, князь Евгеній Петровичъ Оболенскій. Послѣдній женился въ Сибири; жены первыхъ сопутствовали мужьямъ въ ссылкѣ и вернулись съ ними.

Князь Волконскій въ молодости былъ друженъ съ моимъ отцомъ; когда онъ вернулся изъ ссылки, моего отца уже не было въ живыхъ, а кн. Волконскій уже былъ старикомъ увѣнчаннымъ сѣдинами. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ и, увидавъ у меня поразительно-схожій большой масляный портретъ моего отца, прослезился:

«Добрый другъ, Иванъ Петровичъ!» сказалъ онъ.

У кн. Волконскаго было только двое дѣтей: сынъ и прелестная дочь; прелестная *не* правильностью лица, а неизъяснимою граціей всего стройнаго существа, освѣщеннаго выразительными большими черными глазами. Она обладала чуднымъ голосомъ и пѣвала съ братомъ очаровательные дуэты. Замѣчательно то, что дѣти, рожденныя и воспитанныя въ глуши Сибири, были въ высшей степени образованныя, даже въ отношеніи искусствъ, обладали вполнѣ свѣтскимъ лоскомъ, держали себя свободно и съ достоинствомъ въ средѣ высшаго общества, будто вѣкъ въ немъ вращались. Немудрено: они были воспитаны своими родителями!

Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ и прелестная старушка жена его, рожденная граф. Коновницина, были, если возможно, самыми симпатичными личностями изо всего кружка декабристовъ. Что за прелесть была эта чета, доживающая свой бездѣтный вѣкъ въ святой любви другъ къ другу!

Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ былъ высокаго роста, худощавъ, держался немного наклонно, будто тяжесть вынесеннаго горя погнула его плечи; русые его волосы были съ сильной просѣдью, глаза добрые, ласкающіе; всѣ черты лица дышали кротостью и спокойствіемъ духа.

Всѣ бывшіе ссыльные были между собой дружны. Нарышкины, поселившіеся въ своей отчинѣ, близъ Тулы, пріѣзжали гостить въ деревню къ Валерьяну Голицыну, ѣздили и къ намъ. Сидишь, бывало, слушаешь съ благоговѣніемъ разсказы Михаила Михайловича о прош-

лыхъ его страданіяхъ и дивишься, какъ все это разсказывалось *просто*, съ улыбкой.

«Сижу я въ Петропавловской крѣпости, разсказывалъ Нарышкинъ, и болитъ сердце по женѣ. Вотъ дали мнѣ знать, что въ такой-то вечеръ, въ сумерки, она придетъ на тотъ берегъ Невы, чтобъ хоть издали, въ окошко, меня увидать. Условнымъ знакомъ была игра въ рожокъ. Сижу у окна съ рѣшеткой желѣзной, жду. Вотъ слышу рожокъ играетъ, напрягаю зрѣніе, вижу—далеко, на противоположномъ берегу, жена, одѣтая Охтенкой, стоитъ и машетъ мнѣ платкомъ».

— Какъ? спросила я почтенную, съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами, старушку Нарышкину, вы—были одѣты Охтенкой?

—Да, отвѣчала она улыбаясь, и каждый вечеръ потомъ приходила я хоть издали на него посмотрѣть.

«Когда мы жили въ *острожкѣ*, въ Сибири, на каторжной работѣ», продолжалъ Нарышкинъ, «на насъ на всѣхъ были надѣты кандалы; мы въ кандалахъ работали въ рудникахъ, подъ присмотромъ солдатъ».

— Какъ обходились съ вами эти надсмотрщики?

«Большею частью гуманно; рѣдко встрѣчались грубые. Простолюдинъ жалѣетъ преступниковъ, называетъ ихъ *несчастными*».

— А ваши жены, гдѣ были?

«Нашимъ женамъ позволили жить за версту отъ остро́жка и приходить къ намъ каждый день къ тому времени, когда работа въ рудникахъ кончалась. Приносили онѣ намъ чего-нибудь съѣстнаго, бѣлья, а главное, приносили съ собой отраду и утѣшеніе».

— Что же вы работали въ рудникахъ?

«Копали землю, возили ее на тачкахъ; *очень* тяжелой работы не было, но мѣшали намъ очень кандалы, ноги натирали. Но замѣчательно то, что мы *не* болѣли; напротивъ стали здоровѣе, свѣжѣе чѣмъ бывали въ Россіи, не смотря на грубую пищу, къ которой въ молодости не привыкли, а теперь *должны* были привыкать».

— Очень вы скучали?

— «Конечно, были минуты тяжелыя, но, когда вечеромъ всѣ соберемся вмѣстѣ и приходили наши жены, то бывало иногда такое искреннее веселье, о которомъ мы въ Россіи не имѣли понятія. Заведется у насъ гитара, пѣли мы хоромъ или въ одинъ голосъ пѣсни, музыку и слова которыхъ иногда сами сочиняли; писали экспромтомъ стихи; шутки и остроты такъ и сыпались».

«Разъ, въ Воскресенье, пришли наши жены съ утра; откуда-то онѣ добыли кофе, сливокъ и бѣлаго хлѣба. То-то былъ праздникъ!

«Кто кофе жегъ, кто мололъ его, кто варилъ: и съ какимъ наслажде-
«ніемъ мы всѣ напились этого кофе!»

«Такъ прошло два года. Подходила Святая. Этотъ праздникъ былъ
«для насъ очень грустенъ и тяжелъ: слишкомъ много ужъ онъ напо-
«миналъ намъ утраченныхъ радостей. Вдругъ приходитъ приказъ отъ
«генерала губернатора *), чтобъ мы всѣ явились въ Соборъ. Прихо-
«димъ, таща за собой кандалы».

«Генералъ губернаторъ намъ объявляетъ, что онъ получилъ отъ
«Государя приказъ снять кандалы съ тѣхъ изъ политическихъ пре-
«ступниковъ, поведеніемъ которыхъ онъ, ген. губернаторъ, будетъ до-
«воленъ. А такъ какъ я, господа, всѣми вами очень доволенъ, то со
«всѣхъ васъ пусть снимутъ кандалы».

«Съ насъ тутъ же въ Соборѣ сняли позорное ярмо, и мы со сле-
«зами радости бросились обнимать другъ друга. Тутъ же отслужили
«Спасителю благодарственный молебенъ.

«Съ тѣхъ поръ кандаловъ на насъ болѣе не надѣвали. Когда
«мы поступили на поселеніе, то комфорта у насъ было больше, но
«намъ горько было разставаться съ дорогими друзьями, товарищами
«нашими въ несчастіи».

«Насъ разселили по разнымъ мѣстамъ, и немногимъ досталось
«утѣшеніе жить въ одномъ и томъ же городѣ. Поселенцами мы могли
«получать вспомоществованіе отъ родныхъ, имѣть книги, газеты, жур-
«налы, словомъ жить болѣе или менѣе Европейскою жизнію».

Къ характеристикѣ Михайла Михайловича Нарышкина прибавлю, что, хотя у него никогда не было своихъ дѣтей, но онъ любовался чужими малютками, ласкалъ ихъ, радовался ихъ радостямъ. Онъ былъ у насъ разъ вечеромъ, въ деревнѣ, когда у насъ устроился дѣтскій костюмированный балъ. Какъ онъ кротко улыбался, глядя на танцующихъ дѣтей, подзывалъ ихъ къ себѣ, разговаривалъ съ ними такъ ласково, что дѣти его, старика, не дичились и отвѣчали незастѣнчиво на его вопросы.

Какой долженъ былъ быть запасъ сердечной теплоты, чтобъ въ продолженіи тридцатилѣтнихъ испытаній сохранилась способность радоваться дѣтскому веселью!

Князя Евгенія Петровича Оболенскаго я не знавала лично, но читала прелестныя, симпатичныя письма (на Французскомъ языкѣ), писанныя имъ сестрѣ моей, которая, послѣ смерти перваго мужа своего, князя Д. Н. Оболенскаго, считала долгомъ посылать ежегодно посильное вспомоществованіе дядѣ покойнаго мужа своего.

---

*) Кажется, Броневскаго.

По возвращеніи въ Россію князь Е. П. Оболенскій поселился въ Калугѣ у почтенной всѣми уважаемой сестры своей княгини Натальи Петровны Оболенской, гдѣ и скончался.

Матушка мнѣ разсказывала, что она знавала одну изъ Московскихъ красавицъ, графиню Чернышеву, мужъ которой Муравьевъ также сосланъ былъ въ Сибирь. Она испросила позволеніе слѣдовать за нимъ. Матушка поѣхала къ старой матери, чтобъ проститься съ ея дочерью, которая у нея жила, передъ отъѣздомъ своимъ въ Сибирь.

«Вхожу, разсказывала матушка, и вижу: сидитъ въ гостинной «какая-то женщина въ грубомъ шерстяномъ платьѣ, повязанная на «головѣ темнымъ бумажнымъ платкомъ. Въ первую минуту я ея не «узнала, но потомъ узнавъ сдѣлала невольное движеніе изумленія».

Это была молодая Муравьева!

—«Не удивляйтесь», сказала она кротко, грустно улыбаясь, «я привыкаю къ тому, что́ меня ожидаетъ».

Пока она ждала дозволенія ѣхать къ мужу въ Сибирь, она обучилась стряпать щи, кашу, разныя простыя блюда, печь черный и бѣлый хлѣбъ, затирать квасъ, квасить капусту, солить огурцы, мыть бѣлье. Когда она пріѣхала къ мужу въ Сибирь, то была для него истиннымъ кладомъ.

«Все дѣлаю сама», писала она своей матери, «и мужъ на меня «не нарадуется. Онъ сталъ меня любить такъ нѣжно, какъ никогда «не любилъ прежде, когда я блистала красотой и нарядами».

Въ Сибири у ней родился ребенокъ, котораго она сама кормила. Вотъ что писала она матери:

«Лежу въ избѣ; за ребенкомъ ходитъ Бурятка. Вчера она его «понесла ко мнѣ и уронила на полъ. Еслибъ это случилось въ Мо«сквѣ, при уходѣ за мной двухъ-трехъ докторовъ, у меня бы навѣр«ное отъ испуга разлилось молоко. Здѣсь-же—ничего! Даже лихорадки «не было».

Такъ переносили со Спартанской твердостью всѣ нужды и лишенія эти люди, изнѣженные воспитаніемъ, но твердые духомъ, поддерживаемые взаимной любовью и несокрушаемой *вѣрой* въ *Того*, Кто сказалъ:

«Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся!»

Е. Раевская.